

Кто знал, что эта девочка из обычной советской семьи — любительница рыбалки, отличница и умница — превратится в чемпионку, покорившую весь мир?

Антонина Васильевна Лобачева: «Если что – Ира давала сдачи»

У Ирины Лобачевой в спорте сложилась нелегкая, но, в общем, счастливая судьба: в паре с Ильей Авербухом она не раз завоевывала «золото» на мировых и европейских чемпионатах. И первые, самые важные слова благодарности за свои победы она адресует родителям. «Когда я впервые стала чемпионкой, папа сказал: «Ну вот, наконец-то ты сделала первый шаг...»

К сожалению, Ириногo отца уже нет. Сегодня ее главный советчик, помощник и подруга — это мама, Антонина Васильевна. На ней лежат заботы по дому и воспитание Мартина, пока Ирина занимается тренерской работой и выступает в шоу. Мы встретились с Антониной Васильевной в просторной квартире Иры, где у Мартина свои владения — детская, наполненная игрушками, и много пространства, чтобы побегать и попроказничать. Пока мы беседовали с Антониной Васильевной, шустрый Мартин крутился около нас и с любопытством прислушивался к разговору.

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА (4), МИЛЕНА ФИЛИНА (1)

Антонина Васильевна всю жизнь отдала детям, сейчас ее отрада — маленький внук Мартин

Антонина Васильевна, расскажите, какой была Ира в детстве и кому пришла идея отдать ее в фигурное катание?

Она была подвижным ребенком: бегала, прыгала, так же как и Мартин сегодня. Только лет до пяти болела простудными заболеваниями. Мы часто брали ее на рыбалку на Оку — семья любила активный отдых. Ире нравилось удить рыбку, как и ее бабушке — моей маме. На юг мы не ездили, жили скромно. В то время был бум фигурного катания, и мы всей семьей смотрели соревнования. Очень любили Родину! Ира души в ней не чаяла, все просила купить коньки, а я отвечала: «Какие коньки? Мы не можем себе этого позволить!» Особенно фигурные коньки с белыми ботинками дорого стоили — их было невозможно достать. Мы с огромным трудом купили эти коньки в «Детском мире». Не такие, конечно, как у профессионалов, но все же... Решили подарить их Ире на Новый год, положили под елку. Ей было лет пять тогда.

Мы жили по киевской дороге, не доезжая Апрелевки, в Кокошкино. Зимой там заливали лед и собирали детские группы фигурного катания. Ира как-то очень быстро поехала и стала тренироваться. Ее отобрали в «Детский городок», потом в «Динамо», в Лужники, на малую спортивную арену. Но сначала она занималась одиночным ка-

танием. А первым тренером стала Наталья Дубинская, которая вела детский балет на льду.

Я вставала рано, в пять утра, одевала полусонную Иринку. Мы сорок пять минут ехали на электричке до Москвы, потом — на метро до «Спортивной» и пешком шли до стадиона. Первые пару лет она стойко это переносила, но потом, когда началась учеба, стала уставать: тренировка, потом занятия в школе, вторая тренировка — домой она приезжала в первом часу ночи. Спала не больше пяти часов, уроки делала в электричке. Но в школе училась хорошо, можно сказать, была отличницей. Когда Ирину перевели в юниорскую группу, она пошла в спортивный класс на «Кропоткинской».

У нас дома была одна маленькая короткая лыжа, так Ира, выходя из метро, вставала на нее, брала рюкзачок со спортивным обмундированием — и вперед от меня на этой лыже! Добиралась на тренировку гораздо раньше. Я прихожу, а она уже переоделась — выходит на лед. Мы брали с собой чай в термосе и бутерброды, чтобы перекусить. Она же маленькая, а нагрузки колоссальные! Чтобы возить дочь на тренировки, я устроилась работать сутки через трое. Иногда с ней отправлялся муж, но Ира не любила ездить с отцом, потому что он ее критиковал. Я ему говорила: «Зачем ругаешь ребенка? Надо

же похвалить, ну хоть иногда». А он считал: «Ничего, пусть знает ошибки — будет еще лучше кататься». Мужчины — жесткие, но у нас с ним получался баланс. Ведь если только ругать, то возникнет комплекс неполноценности. Если только хвалить, вырастет пуп земли. Сама Ира стала ездить в Москву лет в двенадцать — правда, в кабине машиниста. Ее все знали и помогали ей.

Иринка стойко все переносила, спала в электричке, потому что у нее была цель — стать похожей на Родину. Хотя пару раз говорила мне: «Мам, больше не могу, устала». Но проходило три дня, и ее снова тянуло на лед. Она быстро прогрессировала в одиночном катании, и прыжки удавались, но однажды неудачно упала и повредила колено. Пришлось перейти в танцы. Эта травма беспокоит ее и сейчас, перед Олимпиадой была даже операция — мы думали, что она не поедет. Фигуристы все побитые.

Как вы думаете, все эти травмы и муки стоят золотых медалей? Здоровье и победы — сопоставимые вещи, как вам кажется?

Нет, конечно. Если ребенок болен, лучше заниматься около дома, чтобы поправить здоровье. Но только в том случае, если нет глобальной цели. У Иры же цель была, и это накладывало ответственность. Я никогда ее не отговаривала, хоть и очень жалела, — давала свободу выбора. Говорила: «Если

хочешь кататься, то будешь кататься. Если не хочешь, лучше бросить, ведь это отнимает много времени, денег, трудов». Таким детям не позавидуешь. Особенно раньше было трудно: чтобы поточить коньки, приходилось куда-то ехать, сшить платье — не было тканей. С костюмами, правда, помогала Юлия Марковна (мама Ильи) — доставала материалы, расшивала их.

В какой момент вы поверили, что из Иры что-то получится?

Я всегда думала, что из Иринки будет толк. Но когда лет в десять-двенадцать у нее начались серьезные соревнования в одиночном катании, поверила окончательно.

Она девчонка способная, трудолюбивая, напористая, каждый элемент добивала до конца. Никогда не стояла у бортика и не филонила — только работала. Нас, родителей, не пускали на лед, как сейчас бывает, обычно мы сидели в холле и занимались кто чем — читали, разговаривали. А кто хотел посмотреть на детей — лез и подсматривал в окно. В общем, Иру я никогда не настраивала, она все решала сама. Она и в детском садике такой была — не в хвосте, а в лидерах.

В кого Ира пошла характером — в вас или в отца?

Мы оба трудолюбивые. Отец — мастер на все руки! Мог и починить, и построить. Но и я исполнительная, ответственная, дотошная, всегда переживала из-за работы. Ира такая же. Если что-то не получается, сама не своя ходит. В «Ледниковом периоде» намучилась с партнерами — и так, и сяк, и по-хорошему, и ругается. Говорит: «Мне стыдно! Я же фигуристка — отвечаю и за себя, и за них. Ну, как их заставить, если они не стоят на коньках?! Я не хочу быть белой вороной». Расскажу одну историю. Когда Иринка родилась, муж заказал медаль на красной ленточке — с ребеночком, с гравировкой дня рождения. Когда нас выписывали из роддома, он повесил эту медаль ей на шею. Так вот, я думаю, может, это был знак свыше — с рождения получить медаль? У нее много медалей — два шкафа, и три полки с разными кубками

и призами. А про эту — самую первую — медаль мы забыли, но потом я попросила и ее включить в коллекцию. Это был знак судьбы!

Можно сказать, что вы с Ирой лучшие подруги?

По большей части да. Мы делимся мыслями друг с другом. Я прислушиваюсь к ее мнению, она — к моему. В глобальных вопросах решение она принимает сама, но подсказать что-то я могу. Сама все решает, потому что я ее так воспитала. Она и готовить научилась — делает это замечательно! Когда жили в Америке (там было пять танцевальных пар), все ребята сбегались к ней на ужин. Это сейчас она обленилась. Да и ест мало — утром только чашку кофе выпьет, и все. Следит за весом. Сила воли у нее колоссальная.

Вам в детстве, юности приходилось ее как-то ругать, наказывать? Или повода не давала?

Иру почти не за что было ругать. Она, например, никогда не была жестокой с животными — очень любила их. В детском саду могла за себя постоять, если что — нюни не распускала, не жаловалась, а давала сдачи. Была боевой, но сама ссор не затевала и аккуратно все

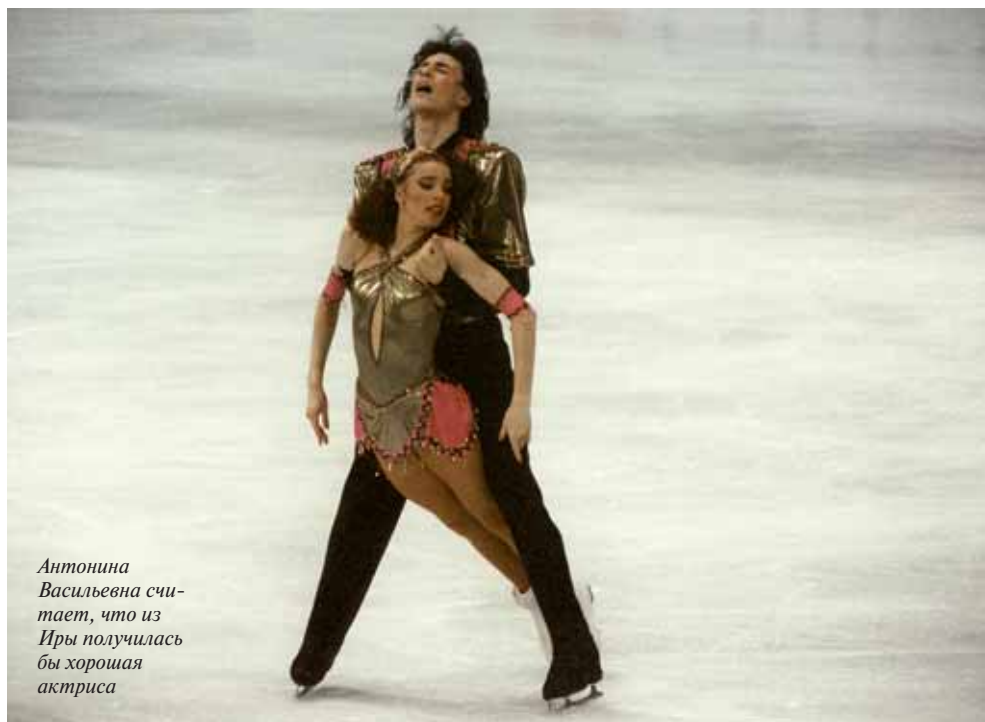
выполняла — воспитатели ее очень любили за это. Хотя, если заслужила, я могла ее и шлепнуть иногда — всякое бывало. Проказливая была, все летело вверх дном.

Когда для Иры начался серьезный спорт, в чем заключалась ваша задача?

Когда им было лет по двадцать, многие тренеры уехали в Америку, в том числе и Наталья Линичук. Ира с Ильей собирались выступать за Израиль, так как здесь перспектив не было: все время шли третьими. Но поехали в Америку — Линичук их уговорила. Мы, конечно, очень переживали — как она там, в чужой стране, — скучали и старались поддерживать морально.

Глядя на то, как Ира танцевала в «Ледниковом», кажется, что она была бы хорошей актрисой, может быть, даже трагической...

Это правда. Она всегда проживает то, что танцует. У нее были разные партнеры — и Марьянов, и Шевельков. Ира говорит, что многому у них научилась. Она и раньше была очень артистичной, а здесь — особенно. Когда пришло время заканчивать со спортом, думала, чем заниматься, и даже хотела попро-

Антонина Васильевна считает, что из Иры получилась бы хорошая актриса

бовать себя в роли актрисы. Мечтает до сих пор. Ведь танцы, которые она катала в проекте, удивительны — берут за душу, будто она на сцене, а не на коньках.

Ира советовалась с вами, когда работала над танцами?

Они оба настоящие постановщики — что Иринка, что Илья, — и все делали сами. После каждого танца она мне звонила и спрашивала: «Мам, ну, как тебе, понравилось?» И если нет, я всегда говорила.

В «Ледниковом» ей достались трудные партнеры, и она почти все время была с ними в роли тренера. Когда Дима Марьянов уезжал в Америку по делам, сказала ему: «Поезжай в Манхэттен и хотя бы постой на льду. Можешь не кататься — просто постой, чтобы не потерять навык конька и льда». Они все ее боялись: она их буквально заставляла тренироваться! Ира такая — очень переживает за дело. Недавно каталась в шоу Жулина — очень волновалась! Как будет выглядеть, если партнер на ногах не устоит или заковыряется, — ей стыдно. Ире, чтобы войти в форму, нужно пятнадцать минут. «Я один-два раза потренируюсь — и мне все понятно. Главное, чтобы ноги не забывали, что надо делать». Даже когда не было партнера, она ездила одна тренироваться, чтобы навык не потерять.

Ира работает тренером в Новогорске, занимается с малышами.

Как вам кажется, как маме, — это ее призвание?

У нее есть разные группы — и совсем маленькие, и постарше. Но одна пара распалась, другая, третью переманили. Звонит мне и плачет: «Мам, ну что делать? Я уже устала!» Тренерское дело она знает хорошо. Тут главное — поставить ребенка на лед и следить, чтобы делал все, как положено. Руку туда, ногу сюда, и смотришь — уже поехал! Она сразу видит, что надо сделать, чтобы элемент получился. Думаю, если бы ей дали нормально тренировать, она бы вырастила чемпионов. У нее есть знания.

Когда у Иры что-то не получается, какие слова вы ей говорите, чтобы она поверила в себя?

Я, конечно, ее успокаиваю, говорю: «У тебя все получится, потерпи». А иногда так: «Ну что делать? Иди в фитнес-клуб преподавать. Зачем она тебе нужна, эта тренерская работа?! Только нервы себе мотаешь. Ну, ушли. Ну, обидно. Ну, больно. Потерпи». Она: «Но я же вижу: вся моя школа уже катается на другом катке!» У тренеров такое бывает сплошь и рядом — они любят снимать сливки. ***Ира умеет адаптироваться к ситуации?***

Она очень восприимчива. Я ей много раз говорила: «Ира, не принимай близко к сердцу все эти интриги — ведь словом можно убить, не только делом. Старайся хоть как-то себя защитить». Она отвечает: «Мам, я не умею не принимать близко к сердцу». И я ее понимаю, сама такая же. Так же переживаю, не сплю, до утра перевариваю любую неприятность. Когда Ира была поменьше, она всегда волновалась перед соревнованиями. Но как только объявляли: «На лед приглашаются Ирина Лобачева и Илья Авербух», сразу собиралась, в ней появлялся бойцовский азарт. Даже Илью пощипывала, чтоб он взбодрился. И я ей теперь говорю: «Ира, вспомни, каким бойцом ты была раньше!»

Когда вы смотрели Ирины выступления, что чувствовали?

Когда она каталась в спорте и я ездила с ней по городам, никогда не смотрела на лед. Было ощущение, что все пройдет лучше, если я не буду стоять у бортика. То ли потому что примета плохая, то ли чтобы энергетикой своей на нее не воздействовать. Ира знала, что я переживаю за кулисами и все слышу: упала — не упала, выполнила — не выполнила... Я и прямые эфиры никогда не смотрела, только запись! Даже во время Олимпийских игр, когда все родственники во главе с бабушкой сидели у телевизора, я ушла на кухню. Поставила иконы, свечку и молилась: «Помоги, Господи!» Очень переживала. Меня колотило, иногда до слез. Когда они проиграли одним голосом, было так обидно, что не выразить! Я до самого последнего дня Иры в спорте держала дома тарел-

Когда Ира в отъезде, Антонина Васильевна становится хранительницей очага этого уютного просторного дома

«Когда Ирина родилась, муж заказал медаль на красной ленточке — с ребеночком»

ку «НТВ-плюс» (хотя для меня это было накладно), чтобы смотреть все ее соревнования.

Антонина Васильевна, вы по профессии врач-акушер. Чем вас привлекает ваша работа?

Я не столько люблю саму медицину, сколько акушерство. Еще в юности нравилось смотреть, как из роддома выносят маленьких деток в конвертиках. Не знала, что это за работа, но после школы сразу пошла на отделение акушерства и гинекологии в медицинское училище, где проучилась три года. После окончания меня распределили в роддом, где и тружусь по сей день старшей акушеркой. Это замечательное ощущение — принять в руки нового маленького человечка! Кажется, что они одинаковые, а на самом деле —

разные. Сразу виден характер: один орет, другой смотрит изучающе, осмысленным взглядом. Когда женщина рожает — это очень приятно! В роддоме всякое увидишь, бывает, от детишек отказываются. Особенно жалко, если от здоровых и красивых. Мне нравится моя работа, поэтому тружусь, хотя давно на пенсии — с сорока девяти лет (у нас из-за вредности год за полтора считается). Еще и Мартином занимаюсь.

Обрадовались, когда родился внук?

Конечно! Мы все его очень ждали! Особенно бабушка, но она не дождалась. И хотя Ира с Ильей разошлись, я вижу, что он замечательный отец. Общается с Мартином, возит его отдыхать. И его родители — Юля со Славой — любят внука и занимаются с ним. Мартин нас всех объединил. Он большой дипломат — старается сгладить все углы. Просит: «Только не говори маме». И тут же: «Только не говори папе». По характеру унаследовал лучшее от нас и от Авербухов — в нем всего поровну. Еще когда ему было года два-три, нам все говорили: «У него такой

серьезный взгляд, как у взрослого человека!»

Мартину нравится фигурное катание?

Ему футбол нравится. Очень много играет, все лампочки в квартире посбивал. Голкипер растет — один против троих сражается.

Тут в разговор вмешивается сам Мартин. Говорит: «Спросите у меня что-нибудь!» — «Хорошо, спрошу. Мартин, у тебя есть мечта?»

И Мартин весело, не задумываясь, отвечает: «Стать фигуристом, как мама и папа!» Антонина Васильевна поправляет: «Нет, ему футбол нравится больше. А Ира вообще сказала как-то: «Мне кажется, Мартин будет заниматься теннисом». Мартин хитро посмотрел на бабушку и убежал играть...

Антонина Васильевна, вы свою жизнь считаете удачной?

Я свою жизнь прожила для детей. Когда умер муж — а это случилось уже давно, — не думала о себе, о своем одиночестве, о том, чтобы снова устроить жизнь. Ведь у нас

с ним как было — разошлись в какой-то момент, потом снова сошлись, пять лет прожили — и опять расстались. А потом он заболел и умер — и пятидесяти не было. Конечно, хорошо, будь рядом со мной мужчина. Но не хватало времени: работа, дом, работа, дом... Хочется — и для Иры, да и для себя, — чтобы было плечо, на которое можно положить голову. Я вижу, как трудно ей одной. Бывает, что страх не дает что-то изменить в своей жизни, да и самой меняться не хочется. Но одной тяжело и скучно. Поэтому я говорю Ирине: «Что бы ни было, но человек рядом должен быть. И пока молодая, не надо тянуть. Нужно плечо, чтобы поделиться, что-то рассказать, поплакаться. Одной плохо».

И все же в чем ваше счастье?

В детях. Я обожаю свою семью. Считаю, что все у меня сложилось: любимая работа, у дочери все нормально, прекрасный внук. Мартин часто говорит: «Бабушка, я так люблю твой дом!» Жаль только, плеча рядом нет. Но, может, все еще впереди...

Светлана Лепешкова